

Песни западных славян — эпизод 3 из 11

Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
Где ж Елена? наконец он молвил;
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.
Пришел он в дом свой, и видит,
На постеле сидит его Елена.
Встань, Елена, говорит Феодор.
Она встала, он взглянул сурово.
Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди.
Но Феодор жене не поверил:
Он отсекал ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея.
Распорол он мертвое тело.
Что ж! на место милого дитяти,
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.
Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:

Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.
И Феодор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.
Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменья.
Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротишься в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.
И тогда-то играй себе на гусях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь.
Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.
Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.
Как у нас бывало кого встречу,
Слышу: Здравствуй, Дмитрий Алексеич!
Здесь не слышу доброго привета,
Не дожуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.
В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый гайдук Хризич¹⁶.

С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выйти.
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
Господь бог! помилуй наши души!
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очитирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую мать,
Будто волк на спящую козу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодною смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих¹⁷.
Хризич встал и промолвил; Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда.
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен;
Головы враги у них отсекли
И на копья свои насадили,
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.
С богом, в дальнюю дорогу!

Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.
Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.
Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!
Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, и сына Яна
Мне хозяйка родила.
Деду в честь он назвав Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.
Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.